

Охотничьи ямы Восточной Фенноскандии: археология и этнография

М.М. Шахнович

Центр гуманитарных проблем Баренц региона
ФИЦ Кольский научный центр РАН,
г. Апатиты
marksuk62@mail.ru

Аннотация

Цель работы – проанализировать способ охоты на крупных животных – ямы-ловушки. Эти интересные памятники археологии известны в тундровой и северотаежной зонах Северной Евразии. В статье рассматриваются основные вопросы начального этапа их изучения.

В европейской части России они исследовались незначительно. Большие работы проведены в Швеции, Норвегии и Финляндии. Ямы строились вместе с длинными специальными изгородями. Основной объект охоты – северный олень и лось. В России они известны от Карельского перешейка до Баренцева моря. Ямы-ловушки использовались от мезолита до XVI в. В Средневековье в Фенноскандии ловушки могли делать аборигены – саамы и соседние народы – корела, финны, германцы.

При комплексном изучении этнографии и археологии охотничьи ямы – это хорошие информативные археологические объекты.

Ключевые слова:

Русская Лапландия, Карелия, охотничьи ямы-ловушки, северный олень, загонная охота, Средневековье

Введение

Охота на Севере – это основная часть жизнеобеспечения человеческих коллективов, направленная, в первую очередь, на получение белковой пищи из природного окружения. Охота, как и рыболовство, всегда имеет сезонную, видовую и региональную специализацию, что формирует особенности промысловых приемов и приспособлений для их функционирования.

При многообразии известных охотничьих методов и стратегий остановимся только на одном способе добычи зверей – поимке с помощью ловушек. Они делятся на конструкции с приманкой или ориентированные на загон зверя, по характеру действия – на спутывающие (силки, петли, сети), давящие, стреляющие (самострелы), «зажимные» (капканы).

Цель нашей работы – рассмотреть не сохранившийся в настоящее время способ добычи крупных животных – ямы-ловушки. Эти стационарные промысловые сооружения известны практически по всей тундровой и северо-

Hunting pits of Eastern Fennoscandia: archaeology and ethnography

M.M. Shakhnovich

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre
of the Russian Academy of Sciences,
Apatity
marksuk62@mail.ru

Abstract

The purpose of the work is to analyze the method of hunting for large animals using trapping pits. These interesting archaeological artifacts are known in the tundra and North taiga zone of Northern Eurasia. The paper deals with the main problems of the initial stage of their study.

In the European part of Russia, the trapping pits were studied insignificantly. Extensive work was carried out in Sweden, Norway, and Finland. The pits were dug and provided with special long fences. The main huntable animals were reindeer and elk. In Russia, the trapping pits are known from the Karelian Isthmus to the Barents Sea. They were used from the Mesolithic to the XVI century. In the Middle Ages in Fennoscandia, the traps could be made by aborigines, Sami, and neighboring groups as Karelians, Finns, Germans. Against a comprehensive study of ethnography and archeology, the hunting pits are good informative archaeological assets.

Keywords:

Russian Lapland, Karelia, hunting pit-traps, reindeer, corral hunting, the Middle Ages

таежной зонах Северной Евразии. Поставленная задача – обозначить основную проблематику начального этапа изучения этих интересных памятников археологии Восточной Фенноскандии.

Древние ловчие ямы представляются сложным для изучения видом археологических объектов. Даже на материалах раскопок трудно или часто невозможно осуществить их датирование и полную реконструкцию. В качестве дополнительного источника для интерпретации археологического материала привлечены исторические описания XVIII в. и скорректированные этнографические аналогии.

Кратко охарактеризуем ситуацию с изучением охотничьих ям в различных регионах Фенноскандии.

Ловчие ямы Карелии

Первым археологом, обратившим внимание на охотничьи ямы в Карелии, была Н.Н. Гурина. Во время своих работ в 1951 г. около оз. Кимас (Муезерский р-н Республики Ка-

релия) она не смогла пройти мимо «отчетливо прослеживающихся трех углублений овальной формы (2 x 1,5 x 0,5 м каждое), строго ориентированных на северо-восток» около стоянки Ногеукса I. Шурф, заложенный в одной из ям, находок не дал [1, с. 180].

В Карелии раскопки охотничьих ям проводились в 1988 и 1990 гг. на северном берегу оз. Тунгудское. Всего обследовано четыре впадины общей системы из 21 ямы по двум сторонам оза. Их назначение, очевидное сегодня, первоначально для археологов было непонятным, и для работ они избирались из-за предположения, что это остатки углубленных жилищ каменного века. После раскопок двух ям, прорезающих культурный слой мезолитического поселения Тунгуда XXIV–XXV, впервые высказано предположение о ловушках на дикого северного оленя [2].

В последующем планомерная фиксация ям-ловушек производилась редко. Можно говорить только о 10 пунктах на территории Северной и Западной Карелии. В Беломорской Карелии на оз. Машозеро – 25 впадин (А.Ю. Тарасов, 1999 г.), три ямы на р. Кузема (М.М. Шахнович, 2000 г.), в Западной Карелии – на оз. Куркиярви – одна яма (М.М. Шахнович, 1993 г.), два пункта на оз. Каменное – две и три впадины (М.М. Шахнович, 1994 г.), на оз. Кенто – две и пять ям (М.М. Шахнович, 2001–2003 гг.), три – на оз. Лимсамо (М.М. Шахнович, 1996 г.), три ямы – на о. Лиетесуари на оз. Верхнее Куйто, и четыре – около оз. Нижнее Элли в окрестностях дер. Вокнаволок (М.М. Шахнович, 2008 г.) (рис. 1).

Рисунок 1. Охотничья яма около оз. Нижнее Элли. 2008 год. Фото Ю. Кожевниковой.
Figure 1. Hunting pit near the Nizhnee Elli Lake. 2008. Photo by Yu. Kozhevnikova.

Ловчие ямы Русской Лапландии

В Мурманской области ямы-ловушки фиксировались единично. Например, этнографической экспедицией Кольского НЦ РАН в 1998 г. около Сонгельского саамского погоста отмечено 12 впадин, которые были интерпретированы как ямы-ловушки. В 2012 г. в районе рек Сергевань и Курга около пос. Ловозеро А.И. Мурашкиным обнаружено большое количество «ловчих ям с остатками деревянных конструкций» [3]. В 2022 г. М.М. Шахнович зафиксировал систему из трех ям на песчаной террасе в юго-восточной части оз. Толванд (Кандалакшский р-н) (рис. 2).

Назначение данных выразительных сооружений было понятно и не профессионалам. Уместно упомянуть об интересном документе из фондов МОКМ – о системах «охотничье-ловчих ям» (25–30 шт.), часто встречающихся в междуречье рек Иоканга – Выхъявр – Пятчема. Ямы сооружались на первой речной террасе в низине между возвышениями рельефа дугообразной цепочкой на расстоянии 15–20 м друг от друга. На приложенном к письму схематичном плане видно, что они имели овальную форму 1,5 x 2–3 м, глубину – 1–1,5 м. Местные жители с Краснощелье не помнят об их использовании в XX в.¹ Небольшое количество известных охотничьих ям на огромной территории Восточной Фенноскандии можно считать только следствием эпизодичности работ по их выявлению.

Охотничьи ямы Скандинавии

На территории Скандинавии объекты, рассматриваемые как ямы-ловушки, активно исследовались с начала 1950-х гг. В настоящее время речь идет о десятках тысяч ям. Они располагаются преимущественно на путях сезонных миграций северных оленей через горные перевалы, что создает определенную специфику в их конструкции и системе размещения на местности. Среди них самые многочисленные – единообразные ямы, выкопанные на песчаных участках рельефа цепочкой (через 35–40 м) по всему протяжению звериной тропы. В современном состоянии они неглубокие (до 1 м), в плане округлой или

Рисунок 2. Охотничья яма около оз. Толванд. 2022 год. Фото Э. Гернет.
Figure 2. Hunting pit near the Tolvand Lake. 2022. Photo by E. Gernet.

овальной формы (до 3,5 м), с валиком выброса по кругу. В ряде случаев прослежено, что в придонной части стенки ям укреплялись внутренней прямоугольной конструкцией из дерева – вертикально установленными жердями [4; 5]. Ямы могут быть одиночными, располагаться группами или огромными длинными системами до тысячи ловушек [6]. Рядом с ними выявлены остатки направляющих каменных и деревянных ограждений [7].

Вторая группа сооружений, определяемая как ловушки, – это немногочисленные «каменные олени могилы»,

¹ МОКМ НВ 4078.9. Письмо начальника отдела охоты Мурманского охотуправления от 11.07.1947 г. Дейнеко.

находящиеся в высокогорных районах Южной Норвегии (на высоте от 900 до 1200 м над ур. м.). На местности они строились одиночно, с дополнением низкими оградками из камня. По конструкции – это прямоугольной формы (0,5–0,7 x 1,2–2 x 1,3–1,9 м) «каменные ящики», у которых дно и вертикальные стенки тщательно выложены сухой кладкой плитняком [8]² (рис. 3).

Рисунок 3. Каменная ловушка. Лордален, Райнхеймен. Южная Швеция. Фото Дж. Олсен.

Figure 3. Stone trap. Lord Allen, Reinheimen. Southern Sweden. Photo by J. Olsen.

Первая группа датируется от мезолита до XVI в., с пиком использования в период викингов и раннего Средневековья, вторая («оленьи могилы») – от позднеримского времени до позднего Средневековья. В Южной Норвегии в I тыс. н.э. соседствовали саамские коллективы и германские общины, для которых охота на оленей составляла важную часть хозяйствования. По этой причине точная этническая принадлежность ловушек остается дискуссионной.

Охотничьи ямы Финляндии

В Финляндии, от Баренцева моря до южных районов страны, сегодня известно около 2300 мест с «оленьими ямами» [9]. В Северной Финляндии местные жители связывали ловушки исключительно с «древними лапландцами». В XIX в. с помощью ям ловили уже только волков, но повсеместно в народной памяти остались легенды о загоне оленей в специальные места, ограниченные навалами из деревьев и с ловушками в проходах. В южных областях такие объекты преимущественно воспринимаются как остатки ловушек на лосей позднего времени. Имеющие датировки ловчие ямы в Финляндии приходятся преимущественно на раннежелезный и каменный века [10, с. 116, 123].

В XX в. в Финляндии «лапландские ямы» долгое время не рассматривались в качестве полноценного археологического источника³. Ситуация изменилась после реализации

² В Карелии нам известно одно идентичное сооружение: на скальной вершине о. Русский Кузов в Белом море. Оно не могло выполнять функцию ловушки и нами рассматривается как погребальное сооружение неясной культурной принадлежности.

³ Они считались «памятью о лапландском быте, однако точное время их существования определить сложно, так как первобытная культура лапландцев была застывшей и не меняющейся и основным источником

проектов по картографированию объектов саамской культуры Скандинавии, когда охотничьи ловушки были определены как самые массовые памятники археологии саам, что задавало новый исследовательский вектор [12; 13]. За последние 50 лет системы ям в Финляндии активно фиксировались и раскапывались в ходе различных проектов, что создало значительную информативную базу по ним (рис. 4).

Рисунок 4. Охотничья яма на р. Лемменйоки. Финская Лапландия. 2015 год. Фото Э. Суоминен.

Figure 4. Hunting pit on the Lemmenjoki River. Finnish Lapland. 2015. Photo by E. Suominen.

Единообразный с Карелией рельеф predetermined сходность для территории Финляндии стратегии размещения на местности ямных ловушек. Незначительность информации о подобных объектах Восточной Фенноскандии не позволяет делать какие-то утверждения о сходстве или отличии конструкций «лапландских ям» в этих двух регионах. Можно высказать предположение, что на позднем этапе существования данной формы охоты (XV–XVII вв.), когда на обширных приграничных территориях усилились интеграционные процессы, приведшие к сближению материальных культур соседних этносов – карел с русскими и финнов со шведами, возможно, возникли различия в практике использования ям и в их конструкциях.

Объекты охоты

Основными объектами охоты с помощью ям-ловушек являются крупные стадные травоядные – лось и северный олень. Их популяции отличают быстрое воспроизводство и длительные миграции. Осваивая разную кормовую базу, они хорошо уживаются на одной территории.

С каменного века ареал распространения лосей на севере Европы доходил до Баренцева моря, включая не только зону северной тайги, но и предтундровые сосново-березовые редколесья. В Северной Карелии лось, как и северный олень, совершает дальние сезонные миграции весной и осенью между летними, богатыми минеральными кормами пастбищами на побережье Белого моря и местами зимовий в континентальных районах [14, с. 258, 263]. До последних столетий численность лосей была высокой по

для исследования подобных безысторических культурных пространств и народов является языкознание» [11, с. 210–211].

всей лесной зоне Европы. В Карелии еще 50 лет назад их поголовье составляло около 15 тыс. особей [15].

Лесной северный олень во второй половине XIX в. обитал значительно южнее, чем в настоящее время – на территории современных Вологодской и Петербургской губерний России [14, с. 295; 16, с. 113]. Сегодня южная граница его расселения проходит по северному побережью Онежского озера. Северный олень принадлежит к животным, для которых определяющий фактор жизнедеятельности – это ранее опробованное действие [17, с. 14], поэтому пути передвижений оленьих стад в тайге относительно стабильны и невелики, не более 100 км. Смены маршрутов имеют циклический характер и связаны с необходимостью менять выбитые пастбища. При этом общее направление миграций остается неизменным [18, с. 75]. В летнее время олени держатся небольшими группами (10–13 экз.) или поодиночке, при передвижении выбирают легкопроходимые места, двигаясь по грядам, сосновым борам, зимой – по льду болот и водоемов. Острова (иногда на удалении до 2 км от берега) – одно из излюбленных мест их летнего обитания. В Северной Карелии олени зимуют по берегам и на островах крупных озер или в заболоченных лесах [19, с. 51, 54].

Оленеемость ягельников северной тайги только Беломорской Карелии оценивается в 10–12 тыс. животных [14, с. 297]. Оленеводство в Карелии было незначительным, возникло не ранее начала XVII в., никогда не выходило за границы северных районов и в основном связывается с беломорскими карелами и финнами [20, с. 57].

Цель миграций крупных копытных – перемещение к территориям с сезонно выгодной кормовой базой и более комфортным в период активности кровососущих насекомых (морское побережье, склоны горных снежников). Пути перемещения оленей и лосей не совпадают, поэтому специализированные ловушки на определенный вид копытных делались в разных местах.

Ареал распространения ловчих ям

Скорее всего, охотничьи ямы использовались в разные временные периоды по всей лесной зоне Европы. Их многочисленность в Фенноскандии, вероятно, объясняется обстоятельством, что сегодня в послеледниковых ландшафтах они более заметны и проще визуальнo вычлeняются на местности. В Карелии можно отметить некоторую общую тенденцию значительного уменьшения их фиксации южнее широты северного побережья Онежского озера. В Северном и Западном Приладожье они уже единичны. Например, при наших разведках на восточном берегу озера Янисъярви они были обнаружены только один раз (две впадины около устья р. Леппяоя) [21, с. 12]. Самая южная известная нам находка «оленьих ям» – это две группы из восьми впадин в северной части Карельского перешейка около дер. Проточное [22, с. 125] и три ямы на о-ве Кемиенсаари (Kemiönsaari Nammarsboda 4) в Финском заливе Балтийского моря. Нельзя исключать, что при целенаправленном поиске ареал распространения охотничьих ям будет более точно очерчен, и они обнаружатся на более южных территориях – в Вологодской и Архангельской областях.

Этническая принадлежность

Системы охотничьих ям в лесах Северной Финляндии и Северной Карелии финляндские историки и этнографы XVIII–XIX вв. связывают с саамскими древностями периода X–XVI вв. [23, с. 50, 54]. Данная атрибуция основывается на традиционных представлениях местного населения о хорошо заметных, но малопонятных земляных сооружениях как о следах деятельности легендарной «лопи»: «лапландские могилы», «лопские печища», «лопарские руины», «лапландские курганы», «оленьи могилы» и т.д. [10, с. 119]. Еще полтора века назад это утверждение воспринималось с определенным скепсисом⁴. Конкретных доказательств «лопарской» этнической принадлежности подобного типа «стационарных находок» в Финляндии и Карелии нет. Для каждого рассматриваемого объекта требуется отдельное обоснование [25]. Сегодня можно утверждать, что в Средневековье в Фенноскандии ловушки могли использовать как аборигены – саамы, терфинны, квены, так и соседствующее «старожильческое население» – корела, финны, германцы.

Датировка охотничьих ям

Надежная датировка ям в ходе археологических работ часто затруднительна, так как датирующие предметы отсутствуют, а находки органики редки. При этом нужно учитывать, что древесина или уголь, найденные на дне ямы, могут быть не связаны со строительством и функционированием ловушки. Ямы обычно подновлялись перед новым этапом эксплуатации, следовательно, на объектах, где было несколько периодов использования, более ранний материал будет уничтожен. В таких случаях единственно доступный материал для разнопланового датирования – это слой под насыпью выброса.

В Фенноскандии по образцам угля ямы-ловушки датируются в широком временном диапазоне – от позднего мезолита (V тыс. до н.э.) до XVI в. и этнографической современности. Основной массив полученных дат приходится на ранний железный век (с 500 лет до н.э.) и Средневековье [10, с. 123]. Самая древняя известная нам дата происходит из ямы на стоянке Хюрюнсали Нуолихарью в Северной Финляндии – 8960 ± 120 л.н. (Hel-3924) и 8890 ± 110 л.н. (Hel-4045) [26, с. 59, 60]. В Карелии единственная дата получена из конструкции ямы на поселении Тунгуда XXV – 4615 ± 55 BP (SPb 3628).

О продолжительности существования практики охотничьих ям в разных регионах Фенноскандии можно судить по обширной этнографической информации, которая чаще всего имеет легендарный характер. Как упоминалось, в Финской Лапландии и Северной Финляндии уже в середине XVIII в. «о ловле ямами говорилось, как о далеком прошлом». Предположительное окончание использования ям-ловушек в этих районах относится к XVI в. [27, р. 140].

По экспедиционным материалам 1970-х гг. карелы уже в XIX в. «оленьи ямы лопарского времени» давно воспри-

⁴ «Еще прежде в Финляндии и в Русской Карелии я имел случай видеть различные памятники, по мнению местных жителей, принадлежавшие некогда Лопарям, но мне кажется сомнительным их лопарское происхождение» [24, с. 254].

нимали как забытый и древний вид промысла [28, р. 46]. Воспоминания об охоте «в старину» на лосей и медведей с помощью замаскированных ям-ловушек, устраиваемых на звериных тропах, удалось зафиксировать только в Центральной Карелии [29, р. 212].

На Кольском п-ве охотничьи ямы эксплуатировались более долгий период, вероятно, до второй половины XIX в. Этнограф В.К. Алымов в 1930 г. пишет, что ловушки на диких оленей, вырываемые на звериных тропах, практиковались в Русской Лапландии еще в конце XIX в. [30, с. 34]. Это было связано с тем, что в центральных районах Кольского полуострова популяция дикого северного оленя сохранялась значительно дольше, чем в тундровых районах Скандинавии [31, р. 51].

На Русском Севере ловля зверей с помощью специальных ям уже не отмечается в XVII–XVIII вв. В различных источниках речь идет преимущественно о весенней охоте на копытных по насту или об их добыче с помощью петлевых ловушек [32, с. 163].

Разновидовая охота на «дикаря» и выпас одомашненных оленей существовали одновременно в системе таежного хозяйствования, но территориально они должны не совпадать. Дискуссионный вопрос начала оленеводства в Северной Европе для Скандинавии относится к двум разным временным рубежам, 800 – 1000 гг. н.э. и 1500–1600 гг. н.э.

Размещение ям на местности

Охотничьи ямы создавались не только в лесной зоне, где существовали стабильные тропы копытных, но и при отсутствии вечной мерзлоты массово и в безлесной тундре. В историографии отмечается, что в тундровых областях Финской Лапландии количество ловушек, сооруженных в одном месте, в среднем больше, чем в более южных лесных районах [10, с. 124].

Устройство систем ям-ловушек на местности предполагает существование долговременных наблюдений о перемещениях крупных животных в отдельном микрорегионе. Основной принцип их размещения был стандартен: максимальное использование пересеченного рельефа на сезонных маршрутах стад копытных или дневных «прогулочных» путей [33, с. 406]. Поэтому велика и вариативность мест их расположения: «Они встречаются рядами на вершинах холмов, на островах и мысах, ограниченных высокими хребтами, болотами или водой» [28, р. 48].

В Карелии известные охотничьи ямы находятся в следующих местах: на песчаных террасах вдоль берегов водоемов (р. Кузема, оз. Каменное), узкие перешейки между озерами, в сужениях островов и длинных мысов, переходящих в отмель (р. Кепа, озера Кенто и Машозеро), с двух сторон каменистого оза (оз. Тунгудское). Если топографическая ситуация была наиболее благоприятной для успешной охоты, то использовались также участки с более сложным для земляных работ каменистым грунтом, например, по узким гребням озера, стиснутых с двух сторон болотом или водоемом (озера Куркиярви и Нижнее Элли)⁵.

⁵ Ю.Б. Сериков описывает случай выдалбливания ямы в выветреном камне-рухляке [34, с. 115].

Количество ям зависело от величины участка, который они должны были перекрыть и, самое главное, временных и физических возможностей коллектива, осваивающего данную местность. Они могут быть одиночными, располагаться группами или длинными системами по несколько десятков отдельных объектов. Для лесных районов Северной Финляндии среднее число ям для одного пункта колеблется в пределах от 5 до 20, но встречаются памятники с числом сооружений от 50 до 400, растянувшиеся на нескольких километрах. Например, в Ваала Асколанкангас (провинция Кайнуу) единая система состоит из 220 ям-ловушек [35, р. 119]. Самая большая система охотничьих ям, известная в Карелии – на оз. Машозеро, имеет 24 впадины на одном небольшом острове [36].

На песчаных террасах они устраивались в одну линию с промежутком от 25 до 40 м. Нужно учитывать вероятность того, что ямы, по топографии при фиксации объединенные в один комплекс ловушек, могли использоваться неодновременно.

Конструкции ловчих ям

По конструкции охотничьи ямы можно разделить на специализированные сооружения, направленные на поимку определенного вида животного и на объекты, рассчитанные на добычу разных зверей⁶.

Морфология ям, исходя из поставленной задачи, могла отличаться по ряду признаков. Например, по форме и размерам котлована (овальные, округлые или прямоугольные), по углу наклона стен, форме дна (плоское, вогнутое), глубине, наличию или отсутствию в нижней части сооружения поражающих колеи или захватывающего устройства [10, с. 116; 38, с. 167; 39, с. 182].

В современном состоянии впадины от ловушек обычно выглядят единообразно: в плане круглой или овальной формы, в диаметре – 3–4 м, глубиной – 0,35–0,7 м, с невысоким валиком выброса по кругу, без разрыва на «вход». Археологические раскопки существенно корректируют первоначальное представление о конкретном объекте. Например, начальная глубина ям может оказаться в три-четыре раза больше или изменится форма сооружения в плане⁷. Кольцевая насыпь выкинутого грунта, сейчас в основном стекшая обратно в яму, также была более значительной (рис. 5).

Размеры ям могут различаться в пределах одной группы. В Финляндии встречаются ямы в диаметре до 8 м при небольшой глубине до 1 м. Считается, что ямы для охоты на лосей по конструкции одинаковы с оленьими, но имеют больший размер. В первом случае их глубина – 3–3,5 м, во втором – до 2 м. Оленьи ловушки обычно овальной формы (усредненно 3,5 x 2,7 м) [10, с. 115]. В то же время в ямы, которые использовались при загоне стада оленей, одновременно попадало несколько животных, а значит они должны иметь более значительный объем, чем ловушки

⁶ Например, у коми существовали ямы-ловушки с приманкой для зайцев и росомых, естественно, значительно меньших размеров (0,8 x 1,5 x 1,5 м), чем ямы для ловли копытных [37, с. 112].

⁷ Раскопанная яма на поселении Тунгуда XXIV имела первоначальные размеры 3,7 x 3 x 0,4 м, после раскопок – 4 x 4 x 1,4 м, яма на поселении Тунгуда XXV – соответственно 3 x 2,2 x 0,35 и 4 x 4 x 1,45 м [40, с. 42, 48].

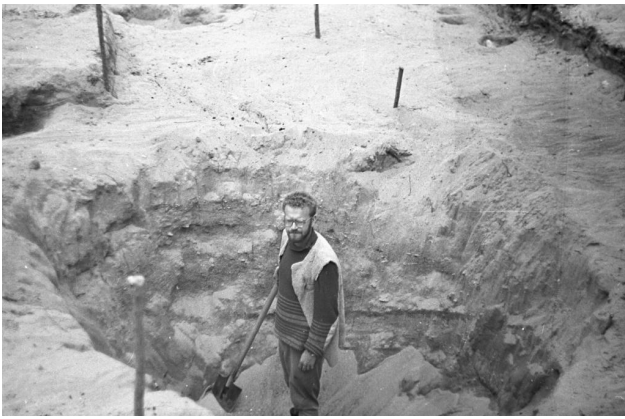

Рисунок 5. Раскопанная охотничья яма на поселении Тунгуда XXV. 1990 год. Фото А. Жульников.

Figure 5. Excavated hunting pit at the settlement Tunguda XXV. 1990. Photo by A. Zhul'nikov.

«пассивной» охоты. Ш. Рабо описывает яму в нижнем течении р. Паз глубиной до 4,5 м и шириной до 8 м⁸. Нужно учитывать, что подправка ловушки приводит к изменению ее первоначальных размеров.

Крутые стенки ям, вырытых в песчаном грунте, осыпались с течением времени, поэтому их нужно было подновлять или изначально укреплять камнями или деревянной «опалубкой» из вертикально или горизонтально установленных плах или жердей. Ловушки, сделанные в каменистом грунте, более трудоемкие в исполнении, были более практичными в эксплуатации, так как менее подвержены осыпанию.

Обычно яма сужалась книзу, но есть сведения о существовании конструкций с сужением сверху [41, с. 25]. Иногда в процессе раскопок удается проследить боковые уступы-ступеньки [34; 39, с. 183].

При задаче умерщвления животного создавались условия для нанесения ему смертельных ран – вертикально установленные кольца, удушающие петли. Орудия убийства, возможно, имели магическую нагрузку. По описаниям этнографов, поражающие деревянные острия могли быть оформлены специальными железными или даже каменными наконечниками⁹, а петли делались из корней деревьев. Полагаем, что охотник преимущественно избирал прагматичный вариант сохранения жертвы в ловушке как можно дольше живой, чтобы сберечь качество мяса и шкуры. Для этого животное должно было застрять в яме или частично травмироваться¹⁰.

⁸ «В лесу находится почти квадратный котлован шириной 8 метров и глубиной 4,5 метра. Совсем рядом находится вторая яма, окруженная кругом из камней. Первая яма, вероятно, была покрыта ветками, должна была служить ловушкой для поимки северных оленей и других диких животных, как это до сих пор делают русские лапландцы, а во второй яме, предположительно, находился охотник. Этот вид ловушек, безусловно, древний и не относящийся к той же эпохе, что и те, что до сих пор встречаются в лесах вокруг реки Энара. Во-первых, отличается его конструкция, а во-вторых, дикие северные олени исчезли из этого прибрежного района с очень давних времен» [31, р. 38].

⁹ «В конце прошлого века саамы в этом округе все еще устанавливали копы с каменными наконечниками в ловушки, в которые они ловили диких северных оленей» [31, р. 36].

¹⁰ «В некоторых местах, где бегают часто дикие олени, промышленники вырывают на тропах ямы, которые обтягиваются сетью, сплетенной из

Ямы накрывались берестой, дранкой, хворостом и камуфлировались мхом, листвой в соответствии с окружающим ландшафтом¹¹. При раскопках ямы на стоянке Тунгуда XXIV (Беломорский р-н Республики Карелия) прослежены следы от трех жердей, уложенных перекрестно поверх нее, скорее всего, в качестве опоры для маскировочного перекрытия [40, с. 42]. Для уверенности, что животное точно провалится в ловушку, иногда перед ямой делалось препятствие, через которое оно должно было перепрыгнуть [43, с. 92]. По нашему мнению, ловчие ямы предположительно использовались при отсутствии или минимуме снежного покрова (рис. 6).

Рисунок 6. Охотничья яма на поселении Тунгуда XXIV. Процесс раскопок. 1990 год. Фото М. Шахнович.

Figure 6. Hunting pit at the settlement Tunguda XXIV. The excavation process. 1990. Photo by M. Shakhnovich.

Изгороди

Для продуктивного функционирования ловчих ям предполагается, что в комплексе с ними создавались некие преграды, которые должны были направлять движение животных в проходы с ловушками. Археологически такие сооружения трудноуловимы и при их реконструкции можно привлечь только этнографические описания и логические построения, исходящие из анализа конкретной топографической ситуации.

Разновидности загородок зависели от сложившихся местных звероловных традиций, характера рельефа и трудозатратных возможностей создателей. Например, в Западной Сибири преграды в конструкциях для добычи крупных животных обычно устраивали в виде жердевого прясла в одну-две слегии или засеками из срубленных деревьев (с высотой навала в 1 м), которые могли быть протяженными до 10–15 км [18, с. 88; 44, с. 46, 57, 204].

Схема изгороди могла быть также двух типов: на большом протяжении перегораживающая участок с яма-

звериных жил, и когда олени бегут через это место, то иногда в нее попадают» [42, с. 67–68].

¹¹ «Ямы тщательно застилали дранкой или очень тонкими полосками дерева, а поверх этого покрытия, называемого «лавдек», насыпали лишайник, чтобы олени не могли видеть настил. Когда олени были вынуждены из-за изгородей переходить через покрытие, оно ломалось, и животные проваливались в ямы. На дне ям вертикально в землю вбивались копы с остриями из железа, из сухой березы или сосны. Животные, упавшие в ямы, пронзались этими копыями». [27, с. 131].

ми в проходах или в форме сужающейся «воронки» с одной ямой в окончании.

Высота изгородей, применяемых в современном оленеводстве, – не более 1,7–1,8 м [45, с. 47]. Строительство деревянных оград было возможно только в лесных районах и затруднительно в тундре. Но в гористых местах Южной Швеции есть находки около ям специальных палок, установленных в ряд, которые, как считается, должны были отпугивать оленей. Длина их – 0,7–1 м, к верхушке прикреплялись кусочки бересты, ветки или древесные стружки, которые развеивались на ветру [46, р. 35]. По этнографическим данным, результативно в безлесной зоне также используются в качестве ограничения оленьих стад простые веревки и проволока [47]. В проходах изгородей необязательно отрывались ямы, могли устанавливаться самострелы, петли из корней сосны или кожи и горизонтально подвешенные бревна [48, с. 31].

Со временем сохранившаяся в народной памяти информация становится все более лаконичной. Например, о ловле оленей саамами Финской Лапландии с помощью систем специально устроенных изгородей со столбами с чучелами, со ссылкой на более ранний текст XVII в., подробно повествует М. Кастрен¹², позднее более сжато дополняет его О. Аппельгрэн¹³, а в 1930-х гг. Н.Н. Волков приводит воспоминания кольских саамов о загонной охоте с изгородями с ловушками в историческом прошлом уже предельно кратко¹⁴. О существовании на территории Южной Финляндии заброшенных общественных многокилометровых изгородей для ловли лосей сегодня указывают только сохранившиеся на картах XVII в. характерные топонимы [32, с. 89].

Модель эксплуатации ям-ловушек

Ямы-ловушки могли использоваться в рамках двух стратегий охоты. Первая – это сезонное проживание в относительной близости для осуществления их эксплуатации, т.е. поддержание на должном уровне рабочего состояния

¹² «Ловушки устраиваются следующим образом. На пустой, гладкой и безлесной равнине, одной или несколько миль в длину и столько же в ширину, охотник ставит высокие столбы по двум направлениям. Сначала расставляет их с большими промежутками, потом все ближе и ближе. К каждому столбу прибавляется черное, страшное чучело, что бы испугать оленя. Ближе к этому сужению, устраивается высокий частокол, через который олень не в состоянии перепрыгнуть. В самом узком месте устроен скат с пятью ступенями, а за ним плетень, который уже не одно животное живым не преодолеет. Устроив такую засаду, Лопарь рыщет по горам и где найдет стадо, сгоняет его в ту сторону, где находится ловушка. Дойдя до этой изгороди, олень не проходит между столбов, пугаясь чучел. Позади толпа людей следит за ними и не дает вернуться, впрочем позволяя им по дороге есть мох, останавливаться и ложиться; но лишь только подойдут олени к сужению, то люди быстро кидаются на них и сгоняют в яму: откуда им уже не выбраться. Так они и остаются там в западне. Потом Лопарь убивает их всех, больших и малых и так истребляет целое стадо, за что другие Лопари ненавидят такого охотника» [24, с. 234].

¹³ «В лесу делали два забора, расстояние между которыми в одном конце было небольшим, а снаружи – несколько верст. Этот загон называли “развилиной”. Саму изгородь делали так, что длинную ель без веток устанавливали на двух пнях, на один пень – комлевым концом, а комель второго дерева – на этот пень, на котором верхушка первого, а верхушкой – на третий пень, и так далее. Теперь, когда охотник гнал оленей из леса в угол развилки и вниз, на место ловли, настилы на ямах проваливались, и олени находили свою смерть на острых кольях» [28, р. 41].

¹⁴ «Изгородь представляла из себя сваленные последовательно стволы деревьев, между которыми было множество проходов с замаскированными мхом и снегом ямами» [48, с. 14].

и проверка результативности, что, вероятно, не требовало большого количества людей. В этом случае можно отнести данный тип охотничьих сооружений к пассивным средствам промысла, что считается признаком сезонной оседлости населения. Вторая стратегия – загонная охота в ямы большими коллективами.

Сложно определить, какое количество людей было необходимо в обоих случаях. Системы из нескольких десятков ловушек необязательно предназначались для загонных облав с большим числом участников. По этнографическим сведениям, у манси «на двух хозяев вполне достаточно иметь двадцать ям», т.е. «умеренное» количество ловушек было продуктивным для обеспечения небольшой семьи. Несомненно, наиболее трудоемкий процесс – выкапывание ям, а также сооружение изгородей/завалов требовали организованного коллектива.

За время своего существования ямы могли использоваться не только в качестве ловушек. Например, в раскопанной яме в системе на поселении Тунгуда XXV было размещено погребение [2]. Иногда за остатки ловушек принимают округлой формы ямы, скорее всего, специализированные места для хранения пищевых запасов, располагающиеся около углубленных жилищ на крупных неолитических и энеолитических поселениях в Центральной Карелии и Западном Приладожье.

Выводы

Использование систем ям-ловушек для ловли копытных – это распространенная в тундровых и северо-таежных районах Европы и Азии адаптационная практика промысловых культур от каменного века до Нового времени. Данную охотничью стратегию, связанную с методами длительного хранения, нельзя рассматривать как единое хронологическое или культурное явление. Для каждого объекта и конкретной территории, где они применялись, должно проводиться отдельное исследование. При всей простоте методики рассмотренного вида охоты, вероятно, он развивался и эволюционировал под влиянием временных и культурных контекстов.

На сегодня объективно сведения о «лопарских ямах» Карелии и Русской Лапландии, минимальны. Накопление информации по этому частному вопросу древних охотничьих практик позволит минимизировать ошибочность построений археологических интерпретаций, а также продвигнуться в решении более глобальной проблемы этнической интерпретации археологических памятников Восточной Фенноскандии, в понимании социокультурных процессов, происходивших в этом регионе в последние два тысячелетия. При комплексном изучении охотничьи ямы могут стать вполне полноценными датирующими и информативными археологическими объектами.

Используемые сокращения

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
КНЦ РАН – Кольский научный центр Российской академии наук.

МЭЗ РАН – Музей антропологии и этнографии РАН.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МОКМ – Мурманский областной краеведческий музей.
НА – Научный архив.
ПетрГУ – Петрозаводский государственный университет.
ТАС – Тверской археологический сборник.

Abbreviations

IA RAN – Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.
KNC RAN – Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.
MIA – Materials and research on the archaeology of the USSR.
MAE RAN – Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences.
МОКМ – Murmansk Regional Museum of Local Lore.
НА – Scientific Archive.
ПетрГУ – Petrozavodsk State University.
ТАС – Tver Archaeological Collection.

Литература

1. Гурина, Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР / Н.Н. Гурина // МИА. – 1961. – № 87. – С. 584 с.
2. Шахнович, М.М. Погребальный комплекс поселения Тунгуда XXIV–XXV / М.М. Шахнович // Вестник Карельского краеведческого музея. – 1993. – Вып. 1. – С. 60–68.
3. Лихачев, В.А. История Ловозерских тундр в дореволюционный период / В.А. Лихачев // Земля Тре. – 2013. – С. 2–7.
4. Jordhøy, P. Ancient wild reindeer pitfall trapping systems as indicators for former migration patterns and habitat use in the Dovre region, southern Norway / P. Jordhøy // Rangifer. – 2008. – № 28 (1). – P. 79 – 87.
5. Bergstøl, J. Trapping pits for reindeer – a discussion on construction and dating / J. Bergstøl // Exploitation of outfield resources. – Joint Research at the University Museums of Norway. – 2015. – № 32. – P. 49 – 54.
6. Hole, R. Fangstanlegg og villreinobservasjoner i Lordalen [Trapping facilities and wild reindeer observations in Lordalen] / R. Hole, E. Hage // Årbok for Villreirådet i Norge [Yearbook of the wild reindeer council in Norway]. – Villreinen, 2005. – P. 71–74.
7. Jacobsen, H. Dokkfløys historie. Dokkfløy fra istid til kraftmagasin [History of Dokkfløys. Dokkfløy from the Ice Age to Kraftmagazine] / H. Jacobsen, J.H. Larsen. – Lillehammer, 1992. – P. 118–122.
8. Bang-Andersen, S. Prehistoric reindeer trapping by stone-walled pitfalls / S. Bang-Andersen // News and Views from Bann Flakes to Bushmills. – Oxford, 2009. – P. 61 – 69.
9. Kortenien, M. Rangifer tarandus fennicus ja pohjoisen havumetsäalueen pyyntikuoppajäänteet [Rangifer tarandus fennicus and the remains of the northern coniferous forest] / M. Kortenien // Suomen varhaishistoria / Studia Historica Septentrionalia. – 1992. – № 21 – P. 165–196.
10. Суоминен, Э. Ловчие ямы в свете данных по провинции Кайнуу в Финляндии / Э. Суоминен // Вестник Карельского краеведческого музея. – 2002. – Вып. 4. – С. 114–133.
11. Tallgren, A.M. Suomen historia I: Suomen muinaisuus [Finnish history I: Finnish antiquity] / A.M. Tallgren. – Porvoo: WSOY, 1931. – 256 p.
12. Melander, J. Fångstgropar i Jämtland. In Arkeologi i fjäll, skog och bygd [Trapping pits in Jämtland. Archaeology in mountains, forests and countryside] / J. Melander // Fornvårdaren 23. – 1989. – 1. – P. 115–128.
13. Kortenien, M. Jälkiä hirvieläinten aita- ja ajopyynnistä [Traces of deer fence and drive hunting] / M. Kortenien // Faravid. – 1991. – 15. – P. 165–179.
14. Данилов, П.И. Охотничьи звери Карелии: экология, ресурсы, управление, охрана / П.И. Данилов. – Москва: Наука, 2005. – 340 с.
15. Троицкий, Г.А. Лоси Карелии / Г.А. Троицкий. – Петрозаводск: Карелия, 1972. – 70 с.
16. Русаков, О.С. К реаклиматизации лесного северного оленя на Северо-Востоке Ленинградской области / О.С. Русаков // Лесной северный олень. – Петрозаводск: Карелия, 1989. – С. 112–116.
17. Пуллайнен, Э. Жизненные ресурсы лесного северного оленя и стратегия их использования / Э. Пуллайнен // Лесной северный олень. – Петрозаводск: Карелия, 1989. – С. 11–15.
18. Симченко, Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии / Ю.Б. Симченко. – Москва: Наука, 1976. – 309 с.
19. Блюдник, Л.В. О суточных и сезонных перемещениях лесного северного оленя в Карельской АССР (1986–1988 гг.) / Л.В. Блюдник, П.И. Данилов, В.А. Марковский, К. Хейкура, В.Г. Анненков // Лесной северный олень. – Петрозаводск: Карелия, 1989. – С. 47–54.
20. Корблев, Н.А. Экономическое развитие Беломорской Карелии в пореформенный период XIX в. / Н.А. Корблев // Исторические судьбы Беломорской Карелии. – Петрозаводск: КарНЦ, 2000. – С. 51–63.
21. Шахнович, М.М. Российско-финляндские археологические изыскания в Северном и Западном Приладожье в 2005 году / М.М. Шахнович, Ю.Н. Кожевникова, С.В. Бельский, Д.В. Герасимов, С.Н. Лисицын [и др.] // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. – С. 10–15.
22. Мокконен, Т. Проточное IV (Runkangas I) – новая стратифицированная стоянка эпох мезолита – раннего металла на Карельском перешейке / Т. Мокконен, С.В. Бельский, К. Нордквист // ТАС. – 2009. – Вып. 7. – С. 123–129.
23. Линкола, М. Образование различных этноэкологических групп саамов / М. Линкола // Финно-угорский сборник. – Москва: Наука, 1982. – С. 48–59.
24. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838–1844 гг. // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. – 1858. – Вып. IV. – С. 221–273.
25. Šahnovich, M. "Lapps" and "Lapp" objects in northern and western Karelia / M. Šahnovic // ISKOS. – 2009. – Vol. 17. – P. 85–93.
26. Kortenien, M. Nuoliharju W-Suomen vanhin pyyntikuoppa? [Aroliharju W-the oldest fishing pit in Finland?] / M.

- Korteniemi, E. Suominen // *Studia Historica Septentrionalia*. 34. Rajamailla IV/1997. – Juväskylä. – 1998. – P. 51–67.
27. Manninen, M. Peurahautoja ja kulkureittejä – katsaus utsojen Paistunturin Pyyntikuoppakohteisiin [Deer trenches and paths – overview of the hunting pits in Utsjoki Paistunturi] / M. Manninen // *Peurakuopista kirkkokenttiin – Saamelaisalueen 10000 vuotta arkeologin näkökulmasta* [From deer pits to church fields – 10000 years of the Sami area from an archaeologist's point of view]. – 2007. – № 9. – P. 128–145.
28. Juvelius, S.W. Muistoja Pohjoisen venäjän Karjalan Muinaisuudesta [Memories of the ancient history of Karelia in the Northern Russia] / S.W. Juvelius // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja* [Finnish Antiquities Society's Journal]. – 1889. – X. – P. 1–89.
29. Деревня Юркагуба и ее округа / под ред. В.П. Орфинского. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. – 427 с.
30. Алымов, В.К. Лопари / В.К. Алымов. – Москва: «Крестьянская газета», 1930. – 62 с.
31. Rabot, Ch. Notes ethnographiques recueillies en Lapopie [Ethnographic notes collected in Lapopia] / Ch. Rabot // *Revue d'ethnographie* [Journal of Ethnography]. – Paris: E. Leroux, 1885. – Vol. 4. – P. 24–60.
32. Монтонен, М. От оленьих просторов до оленьих гор / М. Монтонен. – Москва: Прогресс, 1986. – 200 с.
33. Manker, E. Fångstgropar och stalotomter. Kulturlämningar från lapsk forntid [Trapping pits and stalo plots. Cultural relics of lapsk antiquity] / E. Manker // *Acta Lapponica*. – 1960. – Vol. 15. – P. 406–425.
34. Сериков, Ю.Б. Ловчие ямы в каменном веке Среднего Зауралья / Ю.Б. Сериков // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале*. – 2007. – Вып. 5. – С. 114–123.
35. Kainuun maakunnallisesti merkittävät muinaisjäännökset [Antiquities of regional significance in Kainuu]. – Kaajaani, 2007. – 265 p.
36. Василькова, Н. Некоторые итоги разведки на оз. Машозеро / Н. Василькова // *Проблемы археологии и этнографии Карелии*. – Петрозаводск: Petro-Press, 2001. – С. 16–20.
37. Конаков, Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX века. – Москва: Наука, 1983. – 244 с.
38. Кокшаров, С.Ф. Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири / С.Ф. Кокшаров // *Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье*. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 162–169.
39. Косинская, Л.Л. О некоторых параллелях в археологии севера Западной Сибири и северо-запада Европы: ловчие ямы каменного века / Л.Л. Косинская // *Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы*. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН/МАЭ РАН, 2009. – С. 181–183.
40. Шахнович, М.М. Отчет об археологических работах Карельского государственного краеведческого музея в 1990 году. – Петрозаводск, 1987 / НА Института археологии РАН. – Ф-1. – Р-1. – № 16835.
41. Sirelius, U.T. Metsästys [Hunting] / U.T. Sirelius // *Suomen suku* [Family of Finland]. – 1934. – III. – P. 3–46.
42. Новые и достоверные известия о лапландцах в Финмархии, об их языке, обрядах, нравах и о прежде бывшем языческом их законе. – Санкт-Петербург: Типография Исаака Н. Зедгрбана, 1792. – 135 с.
43. Kolehmainen, A. Perinteista suurriistan pyyntiä Länsi- ja Pohjois-Siperiassa (Suomalais-ugrilaisilla kansoilla) [Traditional big game fishing in Western and Northern Siberia (Finno-Ugric ethnic group)] / A. Kolehmainen. – Orimattila: Finkandia Kirja, 1990. – 116 p.
44. Визгалов, Г.П. Историческая экология населения севера Западной Сибири / Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш, П.А. Косинцев, Т.В. Лобанова // *Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири*. – Вып. 4. – Екатеринбург: АМБ, 2013. – 376 с.
45. Сегаль, А.Н. Северный олень и оленеводство в Карелии / А.Н. Сегаль. – Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1959. – 62 с.
46. Hole, R. Spennende registrering av 800 år gamle fangstanlegg i Lesjafjella [Exciting registration of 800-year-old fishing facilities in Lesjafjella] / R. Hole // *Årbok for Villreinrådet i Norge* [Yearbook of the Wild Reindeer Council in Norway]. – Villreinen, 2004. – P. 33–36.
47. Андерсон, Д.Г. Пространственные архитектуры в отношениях между людьми, животным миром и ландшафтом на Севере / Д.Г. Андерсон, П.С. Луверс, С.А. Шроер, Р.П. Вишарт // *Археология Арктики*. – 2016. – Вып. 3. – С. 5–24.
48. Волков, Н.Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки / Н.Н. Волков. – Санкт-Петербург: Кунсткамера, 1996. – 106 с.

References

- Gurina, N.N. Drevnyaya istoriya Severo-Zapada Evropejskoj chasti SSSR [Ancient history of the North-West of the European part of the USSR] / N.N. Gurina // *MIA*. – 1961. – № 87. – 584 p.
- Shakhnovich, M.M. Pogrebal'nyj kompleks poseleniya Tunguda XXIV – XXV [Burial complex of Tunguda settlement XXIV – XXV] / M.M. Shakhnovich // *Vestnik Karelskogo kraevedcheskogo muzeya* [Bulletin of the Karelian Museum of Local Lore]. – 1993. – Issue 1. – P. 60–68.
- Likhachev, V.A. Istoriya Lovozerskih tundr v dorevolucionnyj period [The history of the Lovozero tundra areas in the pre-revolutionary period] / V.A. Likhachev // *Zemlya Tre* [The Earth Tre]. – 2013. – P. 2–7.
- Jordhøy, P. Ancient wild reindeer pitfall trapping systems as indicators for former migration patterns and habitat use in the Dovre region, southern Norway / P. Jordhøy // *Rangifer*. – 2008. – № 28 (1). – P. 79–87.
- Bergstøl, J. Trapping pits for reindeer – a discussion on construction and dating / J. Bergstøl // *Exploitation of outfield resources*. – Joint Research at the University Museums of Norway. – 2015. – № 32. – P. 49–54.
- Hole, R. Fangstanlegg og villreinobservasjoner i Lordalen [Trapping facilities and wild reindeer observations]

- in Lordalen] / R. Hole, E. Hage // Årbok for Villreindrådet i Norge [Yearbook of the wild reindeer council in Norway]. – Villreinen, 2005. – P. 71–74.
7. Jacobsen, H. Dokkfløys historie. Dokkfløy fra istid til kraftmagasin [History of Dokkfløys. Dokkfløy from the Ice Age to Kraftmagazine] / H. Jacobsen, J.H. Larsen. – Lillehammer, 1992. – P. 118–122.
 8. Bang-Andersen, S. Prehistoric reindeer trapping by stone-walled pitfalls / S. Bang-Andersen // News and Views from Bann Flakes to Bushmills. – Oxford, 2009. – P. 61–69.
 9. Korteniemi, M. Rangifer tarandus fennicus ja pohjoisen havumetsäalueen pyyntikuoppajäänteet [Rangifer tarandus fennicus and the remains of the northern coniferous forest] / M. Korteniemi // Suomen varhaishistoria / Studia Historica Septentrionalia. – 1992. – № 21 – P. 165–196.
 10. Suominen, E. Lovchie yamy v svete dannyh po provincii Kajnuu v Finlyandi [Hunting pits in the light of data on the province of Kainuu in Finland] / E. Suominen // Vestnik Karel'skogo kraevedcheskogo muzeya [Bulletin of the Karelian Museum of Local Lore]. – 2002. – Issue 4. – P. 114–133.
 11. Tallgren, A.M. Suomen historia I: Suomen muinaisuus [Finnish history I: Finnish antiquity] / A.M. Tallgren. – Porvoo: WSOY, 1931. – 256 p.
 12. Melander, J. Fångstgropar i Jämtland. In Arkeologi i fjäll, skog och bygd [Trapping pits in Jämtland. Archaeology in mountains, forests and countryside] / J. Melander // Fornvårdaren 23. – 1989. – 1. – P. 115–128.
 13. Korteniemi, M. Jälkiä hirvieläinten aita- ja ajopyynnistä [Traces of deer fence and drive hunting] / M. Korteniemi // Faravid. – 1991. – 15. – P. 165–179.
 14. Danilov, P.I. Ohotnich'i zveri Karelii: ekologiya, resursy, upravlenie, ohrana [Hunting animals of Karelia: ecology, resources, management, protection] / P.I. Danilov. – Moscow: Nauka, 2005. – 340 p.
 15. Troickij, G.A. Losi Karelii [Moose of Karelia] / G.A. Troickij. – Petrozavodsk: Karelia, 1972. – 70 p.
 16. Rusakov, O.S. K reaklimatizacii lesnogo severnogo olenya na Severo-Vostoke Leningradskoj oblasti [To the acclimatization of the forest reindeer in the North-East of the Leningrad region] / O.S. Rusakov // Lesnoj severnyj olen' [Forest reindeer]. – Petrozavodsk: Karelia. 1989. – P. 112–116.
 17. Pulliajnen, E. Zhiznennye resursy lesnogo severnogo olenya i strategiya ih ispol'zovaniya [Vital resources of the forest reindeer and the strategy of their use] / E. Pulliajnen // Lesnoj severnyj olen' [Forest reindeer]. – Petrozavodsk: Karelia. 1989. – P. 11–15.
 18. Simchenko, Yu.B. Kul'tura ohotnikov na oleney Severnoj Evrazii [The culture of deer hunters of Northern Eurasia] / Yu.B. Simchenko. – Moscow: Nauka. 1976. – 309 p.
 19. Blyudnik, L.V. O sutochnyh i sezonnyh peremeshcheniyah lesnogo severnogo olenya v Karel'skoj ASSR (1986 – 1988 gg.) [About daily and seasonal movements of forest reindeer in the Karelian ASSR (1986 – 1988)] / L.V. Blyudnik, P.I. Danilov, V.A. Markovskij, K. Hejkura, V.G. Annenkov // Lesnoj severnyj olen' [Forest reindeer]. – Petrozavodsk: Karelia. 1989. – P. 47–54.
 20. Korablyov, N.A. Ekonomicheskoe razvitie Belomorskoj Karelii v poreformennyj period XIX v. [Economic development of the White Sea Karelia in the post-reform period of the XIX century] / N.A. Korablev // Istoricheskie sud'by Belomorskoj Karelii [Historical destinies of the White Sea Karelia]. – Petrozavodsk: KarNC, 2000. – P. 51–63.
 21. Shakhnovich, M.M. Rossijsko-finlyandskie arheologicheskie izyskaniya v Severnom i Zapadnom Priladozh'e v 2005 godu [Russian-Finnish archaeological surveys in the Northern and Western Ladoga region in 2005] / M.M. Shakhnovich, Yu.N. Kozhevnikova, S.V. Bel'skij, D.V. Gerasimov, S.N. Lisicyan [et al.] // Istoriya i kul'turnoe nasledie Severnogo Priladozh'ya: vzglyad iz Rossii i Finlyandii [History and cultural heritage of the Northern Ladoga region: a view from Russia and Finland]. – Petrozavodsk: PetrGU, 2007. – P. 10–15.
 22. Mokkonen, T. Protochnoe IV (Runkangas I) – novaya stratificirovannaya stoyanka epoh mezolita – rannego metalla na Karel'skom pereshejke [Protochnoe IV (Runkangas I) is a new stratified site of the Mesolithic – Early Metal epochs on the Karelian Isthmus] / T. Mokkonen, S.V. Bel'skij, K. Nordkvist // TAS. – 2009. – Issue 7. – P. 123–129.
 23. Linkola, M. Obrazovanie razlichnyh etnoekologicheskikh grupp saamov [Formation of various ethnoecological groups of Sami] / M. Linkola // Finno-ugorskij sbornik [Finno-Ugric collection]. – Moscow: Nauka, 1982. – P. 48–59.
 24. Etnograficheskie zamechaniya i nablyudeniya Kastrena o loparyah, karelah, samoedah i ostyakakh, izvlechennye iz ego putevyh vospominanij 1838–1844 gg. [Castren's ethnographic remarks and observations on Lapps, Karelians, Samoyeds and Ostyaks extracted from his travel memoirs of 1838 – 1844] // Etnograficheskij sbornik, izdavaemyj Imperatorskim Russkim Geograficheskim obshchestvom [Ethnographic collection published by the Imperial Russian Geographical Society]. – 1858. – Issue IV. – P. 221–273.
 25. Šahnovich, M. "Lapps" and "Lapp" objects in northern and western Karelia / M. Šahnovic // ISKOS. – 2009. – Vol. 17. – P. 85–93.
 26. Korteniemi, M. Nuoliharju W-Suomen vanhin pyyntikuoppa? [Aroliharju W-the oldest fishing pit in Finland?] / M. Korteniemi, E. Suominen // Studia Historica Septentrionalia. 34. Rajamaila IV/1997. – Juväskylä. – 1998. – P. 51–67.
 27. Manninen, M. Peurahautoja ja kulkureittejä – katsaus utsjoen Paistunturin Pyyntikuoppakohteisiin [Deer trenches and paths – overview of the hunting pits in Utsjoki Paistunturi] / M. Manninen // Peurakuopista kirkkokenttiin – Saamelaisalueen 10000 vuotta arkeologin näkökulmasta [From deer pits to church fields – 10000 years of the Sami area from an archaeologist's point of view]. – 2007. – № 9. – P. 128–145.
 28. Juvelius, S.W. Muistoja Pohjoisen venäjän Karjalan Muinaisuudesta [Memories of the ancient history of Karelia in the Northern Russia] / S.W. Juvelius // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja [Finnish Antiquities Society's Journal]. – 1889. – X. – P. 1–89.

29. Derevnya Yukkaguba i eyo okruga [Yukkoguba Village and its districts] / Ed. V.P. Orfinskiy. – Petrozavodsk: PetrGU. 2001. – 427 p.
30. Alymov, V.K. Lopari [Lapps] / V.K. Alymov. – Moscow: "Krest'yanskaya gazeta", 1930. – 62 p.
31. Rabot, Ch. Notes ethnographiques recueillies en Lapopie [Ethnographic notes collected in Lapopia] / Ch. Rabot // Revue d'ethnographie [Journal of Ethnography]. – Paris: E. Leroux, 1885. – Vol. 4. – P. 24–60.
32. Montonen, M. Ot olen'ih prostorov do olen'ih gor [From deer wastes to deer mountains] / M. Montonen. – Moscow: Progress, 1986. – 200 p.
33. Manker, E. Fångstgropar och stalotomter. Kulturlämningar från lapsk forntid [Trapping pits and stalo plots. Cultural relics of lapsk antiquity] / E. Manker // Acta Lapponica. – 1960. – Vol. 15. – P. 406–425.
34. Serikov, Yu.B. Lovchie yamy v kamennom veke Srednego Zaural'ya [Hunting pits in the Stone Age of the Middle Urals] / Yu.B. Serikov // Ohrannye arheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale [Security archaeological research in the Middle Urals]. – 2007. – Issue 5. – 2007. – P. 114–123.
35. Kainuun maakunnallisesti merkittävät muinaisjäännökset [Antiquities of regional significance in Kainuu]. – Kaajaani, 2007. – 265 p.
36. Vasil'kova, N. Nekotorye itogi razvedki na oz. Mashozero [Some exploration results on the Mashozero Lake] / N. Vasil'kova // Problemy arheologii i etnografii Karelii [Problems of archeology and ethnography of Karelia]. – Petrozavodsk: Petro-Press, 2001. – P. 16–20.
37. Konakov, N.D. Komi ohotniki i rybolovy vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Komi hunters and fishermen in the second half of the XIX – early XX century]. – Moscow: Nauka, 1983. – 244 p.
38. Koksharov, S.F. Ohotnich'i yamy-lovushki na severo-zapade Sibiri [Hunting pit traps in Northwest Siberia] / S.F. Koksharov // Znaniya i navyki ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'e [Knowledge and skills of the Ural population in the Ancient Times and the Middle Ages]. – Ekaterinburg: UIF "Nauka", 1993. – P. 162–169.
39. Kosinskaya, L.L. O nekotoryh parallelyah v arheologii severa Zapadnoj Sibiri i severo-zapada Evropy: lovchie yamy kamennogo veka [About some parallels in the archaeology of the North of Western Siberia and the North-West of Europe: Stone Age hunting pits] / L.L. Kosinskaya // Vzaimodejstvie i hronologiya kul'tur mezolita i neolita Vostochnoj Evropy [Interaction and chronology of Mesolithic and Neolithic cultures of Eastern Europe]. – Sankt-Petersburg: IIMK RAN/MAE RAN. 2009. – P. 181–183.
40. Shakhnovich, M.M. Otchet ob arheologicheskikh rabotah Karel'skogo gosudarstvennogo kraevedcheskogo muzeya v 1990 godu [Report on the archaeological work of the Karelian State Museum of Local Lore in 1990] / M.M. Shakhnovich. – Petrozavodsk, 1987 / NA of the Institute of Archaeology of the RAS. – F-1. – R-1. – № 16835.
41. Sirelius, U.T. Metsästys [Hunting] / U.T. Sirelius // Suomen suku [Family of Finland]. – 1934. – III. – P. 3–46.
42. Leem, K. Novye i dostovernye izvestiya o laplandcah v Finmarhii, ob ih yazyke, obryadah, nravah i o prezhdе byvshem yazycheskom ih zakone [New and reliable news about the Laplanders in Finmarchia, about their language, rituals, customs and about their formerly pagan law] / Knud Leem. – Sankt-Petersburg: Isaak N. Zedgrban Printing House, 1792. – 135 p.
43. Kolehmainen, A. Perinteista suurriistan pyyntiä Länsija Pohjois-Siperiassa (Suomalais-ugrilaisilla kansoilla) [Traditional big game fishing in Western and Northern Siberia (Finno-Ugric ethnic group)] / A. Kolehmainen. – Orimattila: Finkandia Kirja, 1990. – 116 p.
44. Vizgalov, G.P. Istoricheskaya ekologiya naseleniya severa Zapadnoj Sibiri [Historical ecology of the population of the North of Western Siberia] / G.P. Vizgalov, O.V. Kardash, P.A. Kosincev, T.V. Lobanova // Materialy i issledovaniya po istorii severa Zapadnoj Sibiri [Materials and studies on the history of the North of Western Siberia]. – 2013. – Issue 4. Ekaterinburg: AMB. – 376 p.
45. Segal', A.N. Severnyj olen'i olenevodstvo v Karelii [Reindeer and reindeer husbandry in Karelia] / A.N. Segal'. – Petrozavodsk: Gosizdat KASSR, 1959. – 62 p.
46. Hole, R. Spennende registrering av 800 år gamle fangstanlegg i Lesjafjella [Exciting registration of 800-year-old fishing facilities in Lesjafjella] / R. Hole // Årbok for Villreindrådet i Norge [Yearbook of the Wild Reindeer Council in Norway]. – Villreinen, 2004. – P. 33–36.
47. Anderson, D.G. Prostranstvennyye arhitektury v otnosheniyah mezhdud lyud'mi, zhivotnym mirom i landshaftom na Severe [Spatial architectures in the relationship between people, wildlife and landscape in the North] / D.G. Anderson, P.S. Luvers, S.A. Shroer, R.P. Vishart // Arheologiya Arktiki [Archaeology of the Arctic]. – 2016. – Issue 3. – P. 5–24.
48. Volkov, N.N. Russijskie saamy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Russian Sami. Historical and ethnographic essays] / N.N. Volkov. – Sankt-Petersburg: MAE RAN, 1996. – 106 p.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме НИР FMEZ-2022-0028 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX – XXI вв.: исторический и антропологический ракурс».

Глубокая признательность за помощь коллегам: Г. Данилову, П. Уйно, С. Лисицыну, В. Аделью, Э. Суоминену, А. Волокитину, А. Тарасову.

Информация об авторе:

Шахнович Марк Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»; <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X> (Российская Федерация, 184209, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 14; e-mail: marksuk62@mail.ru).

Author:

Mark M. Shakhnovich – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher at the Barents Centre of the Humanities FRC Kola Science Centre RAS, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X> (Barents Centre of the Humanities, Federal Research Center Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, 14 Fersmana St., Apatity, Russian Federation, 184209; e-mail: marksuk62@mail.ru).

Для цитирования:

Шахнович, М.М. Охотничьи ямы Восточной Фенноскандии: археология и этнография / М.М. Шахнович // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 26–37.

For citation:

Shakhnovich, M.M. Ohotnich'i yamy Vostochnoj Fennoskandii: arheologiya i etnografiya [Hunting pits of Eastern Fennoskandia: archaeology and ethnography] / M.M. Shakhnovich // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 26–37.

Дата поступления рукописи: 20.12.2022

Прошла рецензирование: 23.01.2023

Принято решение о публикации: 24.01.2023

Received: 20.12.2022

Reviewed: 23.01.2023

Accepted: 24.01.2023